

Катерина Файн

Одиллия больше не лебедь
пьеса в двух действиях

Санкт-Петербург, 2008

Действующие лица:

МАЙКИН (МАЙК) – карусельщик

ОДИЛЛИЯ – балерина

ОДЕТТА БЛОК – подруга Одиллии, продюсер

ЧЕТВЕРО МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ. Они исполняют роли посетителей карусели, местной шпаны, кордебалета, музыкального квартета, санитаров

В пьесе могут звучать песни Светланы Сургановой «Время познаний», «Где-то там», «Далеко», «Белая»

Первое действие

Посредине сцены карусель «на цепях»: яркий ажурный зонт, по краям которого закрепляются шесть (или восемь) одноместных сидений. Эта конструкция занимает столько пространства, сколько позволяет сама сцена – практически все, если карусель движется. Справа небольшая деревянная будка, что-то вроде служебного помещения – она же касса, она же дом карусельщика. Раннее осеннее утро, прохладное, но не пасмурное...

Звучит песня «Где-то там». Появляется Одиллия – девушка лет 25, одета в медицинский халат, на ногах кроссовки. Она неспешно обходит карусель, танцует. В танце снимает халат, остается в белом балетном платье и черном шарфе. Вслед за ней на сцену выбегает четверка молодых людей в таких же балетных платьях, присоединяется к танцу. Затем молодые люди и героиня усаживаются на карусель, начинают раскручивать ее ногами, отталкиваясь под музыку – быстрее и быстрее. В какой-то момент молодые люди прыгают и исчезают в кулисах. Одиллия продолжает кружиться, встает на сиденье ногами, все выше и выше поднимается карусель... Затемнение, музыка обрывается. Через минуту свет зажигается, и мы видим Одиллию лежащей на полу.

О д и л л и я (стонет от боли). А-а-а, твою мать! Ой, дура! Какая же я дура! Идиотка! Какого черта полезла?! (в сторону карусели). Качель паршивая! А-а-а! (поднимает платье до колен). Блин, еще и чулки порвала! Новые! Нет, ну это ж надо, а?! И коленка в крови... (плюет на подол платья, прикладывает к больной коленке). Ну, как я пойду теперь? В таком виде? (пытается встать, падает). О-о-о, ну, все, приехали!

Из-за кулис появляется Майкин. Идет медленно, читает на ходу книгу. Негромко смеется. На нем джинсы, рубашка, в руках микрофонная стойка и пакет с надписью какого-нибудь супермаркета, например «Лента» (или «Карусель!»). Идет прямо к своей будке, не замечая девушку. Достает ключ, открывает дверь, хочет войти...

О д и л л и я. Эй, молодой человек!

М а й к и н (*оборачиваясь, в крайнем удивлении*). Ой, простите, я вас не заметил! (*подходит*). Вам плохо? Что случилось?

О д и л л и я (*передразнивая*). Что случилось! Упала! С каруселей этих долбанных! Понаставили тут, в лесу... Сплошные соблазны!

М а й к и н (*уходит в будку за табуретом, возвращается*). Зря вы так!

О д и л л и я. Что – зря?

М а й к и н (*помогает девушке сесть на табурет*). Карусель мою так не любите.

О д и л л и я. Не люблю?! Не люблю – это мягко сказано, я ее ненавижу! Тоже мне – праздник на болоте. Для кого она здесь? Кто сюда ходит? Грибники что ли?

М а й к и н. Какие грибники?

О д и л л и я. Обыкновенные! Которые мухоморы собирают! А потом отвар галлюциногенный варят.

М а й к и н. Да при чем здесь отвар?

О д и л л и я. Да потому что человек в здравом уме на эту вращалку не полезет! Только после грибов. И вообще: мне не удобно на табуретке! Она скользкая. Поставьте ее под спину!

М а й к и н (*ставит табурет под спину*). Пожалуйста!

О д и л л и я. Спасибо, так лучше... (*пауза*). Я вас перебила, не сердитесь. Просто когда мне хреново, я бываю очень эмоциональна. Даже агрессивна.

М а й к и н. Я заметил...

О д и л л и я. Так вы говорите, карусель ваша?

М а й к и н. Моя.

О д и л л и я. Вы – что, ее купили?

М а й к и н. Пока нет. Взял в аренду. Но скоро, думаю, выкупить.

О д и л л и я. Зачем?!

М а й к и н. Ну, в двух словах не объяснишь. Долгая история... Да, Бог с ним! Вы лучше ногу согнуть попробуйте.

О д и л л и я (*сгибая колено*). Ой! Больно!

М а й к и н. А падать, милая барышня, всегда больно. Это только летать приятно. Ладно, я сейчас! (*уходит в будку, возвращается с бутылкой йода, бинтом и полотенцем*). Оголяйте ваше колено! И чулок снимайте. Буду вас лечить. Йодом! Не бойтесь?

О д и л л и я. Давайте уж быстрее, мне идти надо!

М а й к и н. Давайте! (*мажет рану*). Ну, как, терпите?

О д и л л и я. Терплю, конечно, куда ж деваться-то?! Да не давите вы!

М а й к и н. Я? Да я только чуть-чуть!

О д и л л и я. Вы мне сейчас вторую ногу покалечите! Вы уже практически на ней сидите!

М а й к и н. Простите, пожалуйста! Я не сразу понял, что тут, под платьем, ваша нога...

О д и л л и я. А что у меня там, по-вашему?

М а й к и н. Извините...

О д и л л и я. Извиняю! Ну, все?

М а й к и н. Все! Только бинт поправлю, и можно вставать. Не туго?

О д и л л и я. Нормально.

М а й к и н. Ну, слава Богу! Я уж подумал – совсем катастрофа... А кстати: как вас занесло в наши края?

О д и л л и я. Какой вы любопытный.

М а й к и н. И все же?

О д и л л и я. Это что-то меняет?

М а й к и н. Нет, просто интересно. Не каждый день встретишь девушку в бальном платье с перебитой коленкой. В лесу.

О д и л л и я. Если бы мы с вами общались «в контакте», далее следовал бы такой смайлик. Прямо так его и представляю!

М а й к и н. Меня нет «в контакте». Да и вообще – интернетом я не пользуюсь.

О д и л л и я. Напрасно. Там теперь все!

М а й к и н. Ну, хорошо. Вы не ответили на вопрос: как вы сюда попали?

О д и л л и я. Случайно. А платье у меня не бальное, а балетное. Чувствуете разницу?

М а й к и н. Стараюсь... Простите, многоуважаемое платье! А где же тогда пуанты?

О д и л л и я. Хороший вопрос... В автобусе. Рядом с моей сумкой, где лежит мобильный. Кстати! У вас есть мобильный телефон?

М а й к и н. Разумеется.

О д и л л и я. Не откажите пострадавшей! Мне на минутку – своим позвонить. Они уже с ума сходят!

М а й к и н (*достает из кармана мобильный*). Да нет проблем!

О д и л л и я (*набирает номер*). Алло, привет! Это я, Одиллия. Да, нет, нет! Я с чужого телефона. Со мной все в порядке, я недалеко. Скоро буду. Не могу сейчас. Я ногу поранила. Ничего страшного. Вы досняли? Ну, и отлично! Минут через десять. Все, пока! (*возвращает телефон*). Благодарю!

М а й к и н. Не за что. Вставайте!

О д и л л и я (*пытаясь подняться*). Ой, не могу!

М а й к и н. Как это – не могу?!

О д и л л и я. Ну, так, не могу и все – больно.

М а й к и н. Что – на ногу не ступить?

О д и л л и я. Не-а...

М а й к и н. Плохо дело... Наверное, сильный вывих... Придется на недельку с пуантами распрощаться.

О д и л л и я. Мне не до шуток!

М а й к и н. Понимаю...

О д и л л и я. Есть у вас какая-нибудь палка?

М а й к и н. Может, и есть... Но вряд ли она поможет. Давайте лучше я вас провожу... До автобуса.

О д и л л и я (*вздыхая*). Давайте.

Одиллия, опираясь на Майкина, медленно ковыляет вокруг карусели. Карусель движется в противоположном направлении. Половину дороги Майкин несет девушку на руках. Пройдя круг, герои возвращаются на то же самое место...

О д и л л и я. Ничего не понимаю! Бред какой-то! Где вообще все?! Где автобус?!

М а й к и н. К сожалению, на этот вопрос у меня нет ответа – я не знаю, в каком месте он был.

О д и л л и я. Ну, я же сказала – у ручья! А вы тоже хороши: это ж надо – телефон оставили!

М а й к и н. Да, это моя ошибка... Вот, возьмите. *(протягивает телефон)*.

О д и л л и я. Ошибка! Ваша ошибка может мне дорого стоить! *(набирает номер)*. Алло, это я! Вы где?! Но я вас не видела! Что? Уезжаете? *(пауза)*. А-а-а... Хорошо, давай... Пока.

М а й к и н. Ну, что?

О д и л л и я. Ничего. Ждать они больше не могут, уже поздно, все устали, а завтра у нас репетиция и два спектакля... *(как бы себе)*. Но ко мне это не относится... В общем, автобус едет в город. Блок за мной на машине вернется. Часа через два, не раньше...

М а й к и н. Блок – это ваш... товарищ?

О д и л л и я *(смеется)*. Ой, какой вы забавный! Товарищ!

М а й к и н. А что я такого сказал?

О д и л л и я. Ничего. Просто слово «товарищ» как-то несовременно звучит. Прошлый век какой-то. Ну, сказали бы друг, или бой-френд... *(вздыхает)*. Нет, Блок – великий человек. Человечище! Блок может все. И я совсем не удивлюсь, если узнаю, что в блокноте Блока имеется прямой телефон президента.

М а й к и н. Президента?!

О д и л л и я. Ну, или его помощника...

М а й к и н. Вы меня заинтриговали!

О д и л л и я. Именно на это я и рассчитывала! Ну, хорошо, скажу. Блок – это наш продюсер. И по совместительству – моя подруга.

М а й к и н. Что вы говорите?

О д и л л и я. Представьте себе!

М а й к и н. И что, она сюда приедет?

О д и л л и я. Не сомневайтесь!

М а й к и н. Здорово! Никогда не видел живых продюсеров.

О д и л л и я. У меня такое ощущение, что вы вообще ничего не видели. Кроме вот этого леса и карусели своей, будь она не ладна! Палеолит какой-то. Вам бы сюда археологов!

М а й к и н. Вы преувеличиваете...

О д и л л и я. Нисколько! Ну, а что такое электричество вы знаете? Или ваша карусель, как ветреная мельница – от легкого дуновения едет?

М а й к и н. Во-первых, не едет, а кружится. В крайнем случае – движется. А, кроме того, я не настолько прост, как вам кажется. И с электричеством знаком. Лично.

О д и л л и я. Лично – это как? Однажды вас дернуло током?

М а й к и н. Ой, не напоминайте! Такое со мной тоже случилось... Но я о другом. У меня образование электротехническое.

О д и л л и я (*махнет рукой*). А, с вами все ясно!

М а й к и н. Рад, что вы столь проникательны.

О д и л л и я. Конечно. Я даже знаю, что вы мечтаете со мной познакомиться!

М а й к и н. Я?!

О д и л л и я. А что – нет?

М а й к и н. Ну, вообще-то, лучше называть человека по имени. Так удобнее.

О д и л л и я. Вот, я же говорю! (*протягивает руку*). Одиллия!

М а й к и н (*пожимает ее руку*). Майк.

О д и л л и я. В смысле, Михаил?

М а й к и н. Нет, это от фамилии. Майкин.

О д и л л и я. Забавно... Ну, гуд! Майк, так Майк. Если бы вы сидели «в контакте», это был бы ваш ник. А, что – красиво звучит!

М а й к и н. Вы, наверное, после репетиций – сразу за компьютер, да?

О д и л л и я. Почти. Просто в виртуальном пространстве легче общаться... Не так ли? Ведь эта ваша карусель, которую вы мечтаете выкупить, этот ваш маленький мир – тоже не совсем реален. Есть он, или нет... Кто знает?

М а й к и н. Да, пожалуй, вы правы... Даже больше: сейчас для меня карусель скорее абстрактна, чем реальна. Но это и хорошо! Каждый день я мысленно погружаюсь в идеальный мир моих образов, и это путешествие позволяет мне лучше осмыслить действительность, увидеть всю ее сложность... С этой точки зрения, виртуальность помогает осознать реальность... Кстати, сцена – это тоже виртуальное пространство. Или я ошибаюсь?

О д и л л и я. Не ошибаетесь... Надо же! А я-то думала, вы тут совсем оторвались от культурного слоя. Одичали среди елок.

М а й к и н. Ну, что вы! Это я только на вид такой неотесанный.

О д и л л и я. Да нет, вы вполне! Чувствуется, хорошо учились в институте.

М а й к и н. Ну, не то, чтобы хорошо, скорее – удачно. С точки зрения куда-то приткнуться на время. Во всяком случае, там мне никто не мешал заниматься любимым делом.

О д и л л и я. А у вас есть любимое дело? Неужели, вы конструировали детские аттракционы? Может, карусель – ваша дипломная работа?

М а й к и н. Нет. Карусель изобрели задолго до нашего с вами рождения, в девятнадцатом веке. Уильям Шнайдер – был такой инженер. А я... Я всего лишь музыкант. Пишу музыку...

О д и л л и я. Как интересно... И что это за музыка? Какой стиль?

М а й к и н. Стиль мне определить сложно, сейчас в музыке такая эклектика... Да это и не важно. Музыка бывает хорошая и никакая, душевная и бездушная, посредственная и непосредственная. Дело не в определении, поверьте, а в том кайфе, который ты получаешь, слушая или созидая.

О д и л л и я. Занятно...

М а й к и н. А разве вы не испытываете то же самое? Ведь природа творчества едина. Музыка, живопись, танец, поэзия – это ведь, по сути, одно и то же.

О д и л л и я. Вы так считаете?

М а й к и н. Разумеется. Это акт выражения любви.

О д и л л и я. Может быть...

М а й к и н. А вы об этом не думали?

О д и л л и я. Думала, но как-то сформулировать не получалось. Наверное, я не могу уловить главного...

М а й к и н. Ну, что вы, это же так просто! Главное – делать то, что доставляет радость, и получать от этой радости удовольствие. Тогда и другим ваши чувства передаваться будут. И создавать как можно больше, ибо, помимо того, что любое творчество само по себе великое счастье, это еще и очень хорошая тренировка. А сочинять, на самом деле, просто. Вот, правда, хорошо сочинять сложнее. Для этого нужно много работать – читать, слушать, вникать, общаться с интересными людьми...

О д и л л и я. Как у вас все идеально получается! А есть ли смысл? Вот я, например – обыкновенная балерина, таких сотни. Работаю, творю, ночами не сплю – думаю над ролью. Но! Будь я хоть трижды круче Улановой, все равно про меня никто никогда не узнает. Потому что мир переполнен информацией, и любой творческий всплеск сегодня не то, что малозаметен – никому на фиг не нужен! Давайте поразмышляем о судьбе какого-нибудь великого поэта, Бродского, к примеру. Родись он, допустим, лет тридцать назад... Уверяю вас: ничего бы не случилось! В лучшем случае, он был бы очень хорошим поэтом, супер-поэтом, известным в узких кругах.

М а й к и н. Одиллия, вы подменяете понятия. Я говорил о творчестве, как о вашей коже, а вы мне сейчас про пальто рассказываете. При чем здесь кто кем стал, не стал, мог бы стать? К чему эти разговоры?!

О д и л л и я. А к тому, что вся наша жизнь – вариант судьбы: если ты появляешься в нужное время в нужном месте – у тебя что-то происходит, если нет – идешь дальше. И если это что-то – очень важное, судьбоносное вдруг свершилось – оно и дает толчок новому. Тогда и творчество в радость, и развитие неизбежно. Вот и все. Конечно, старание и труд никто не отменял, но если не суждено тебе для голливудских фильмов музыку писать, то ничего и не будет, хоть ты тресни. Ясно?

М а й к и н. Ясно. Знаете, мне почему-то кажется, что вы очень обижены. Не знаю кем, или чем, но эта обида мешает вам смотреть на мир широко раскрытыми глазами, как в детстве. Мешает вашей фантазии. Вы напоминаете мне Айседору Дункан, которую задушил собственный шарф, попавший под колеса ее же автомобиля.

О д и л л и я. Очень неудачное сравнение. Учитывая, что Айседора тоже была танцовщицей.

М а й к и н. Да, я, кажется, переборщил... Простите.

В этот момент появляется Одетта Блок. На ней черный деловой костюм и белый палантин с кистями.

Б л о к (*Одиллии*). Слушай, ну, еле тебя отыскала! Как ты? (*чмокает подругу в щеку*).

О д и л л и я. В норме. Знакомься: это Майк.

М а й к и н. Здравствуйте!

Б л о к. Здравствуйте.

О д и л л и я. А это – Одетта Блок, великий продюсер. Единственное, чего она не может – это устроить гастроли на Марсе. И то: пока там не обнаружится жизнь. Как только ученые наладят контакт с космосом, Одетта будет первой по культурному обмену. Можете мне верить.

Б л о к. Ой, как смешно! Лучше расскажи, как тебя угораздило ногу сломать?

О д и л л и я. Да не ломала я, успокойся! У меня вывих. Сильный вывих. Три дня постельного режима – и буду опять фуэте крутить.

Б л о к. Ну, ты не расслабляйся. Для начала надо рентген сделать. А вдруг что-то серьезное?

О д и л л и я. Перестань!

Б л о к. У тебя нездоровый вид!

О д и л л и я. У меня нормальный вид!

Б л о к (*Майкину*). Вы тоже так считаете?

М а й к и н. Не знаю... Я не специалист... Но... температуры нет, значит, все в порядке.

Б л о к. Все такие умные! Профессора! Ну, и фиг с вами. Тогда сменим тему. (*Майкину*). Позвольте узнать: откуда здесь это безобразие? (*показывает на карусель*).

М а й к и н. Почему безобразие?! Это карусель!

Б л о к. Но это неисправная карусель! (*подходит к карусели*). Во-первых, вы не соблюдаете правила эксплуатации – здесь нет ремня безопасности. А во-вторых, карусель, стоящая в лесу, предприятие явно убыточное. Отсюда вопрос: на какие средства вы существуете?

М а й к и н. Ремни безопасности у нас были... Видимо, это кто-то из местных сорвал... А насчет убытков... Уверяю вас, это временно, пока нет рекламы...

Б л о к. Хорошо, пойдем дальше! Где вы живете? Здесь? (*подходит к будке*).

М а й к и н. А можно встречный вопрос: Одиллия представила вас, как продюсера, но у меня такое ощущение, что вы из налоговой полиции... Так вот, я намерен сообщить, что эта земля, а так же постройки, стоящие на ней, являются частной собственностью. Следовательно, вы и вы (*показывает на девушек*) у меня в гостях. А поскольку я вас не приглашал, возникает вопрос, что вы здесь делаете?

Б л о к. Объясняю: наш балетный коллектив принимал участие в съемках многосерийного фильма.

О д и л л и я. Сериала про ментов.

Б л о к. Совершенно верно. В перерыве одна барышня решила прогуляться – подышать, так сказать, лесным воздухом. Никого не предупредив, она отправилась... м-м-м...

О д и л л и я. На поиски клюквы.

Б л о к. Да! И заблудилась. Потом увидела вашу карусель и захотела прокатиться. Ну, а чем это все закончилось – вы видите.

М а й к и н. Сказка про двенадцать месяцев. Девочка зашла на огонек...

Б л о к. Вы что, мне не верите?

М а й к и н. Почему не верю? Верю. И что, много клюквы нынче?

О д и л л и я. В том-то и дело, что мало!

Б л о к. Не урожай.

О д и л л и я. Мы лучше потом, на рынке...

М а й к и н. Это правильно. На рынке собирать клюкву легче. *(Одетте)*. А, правда, что вы продюсер?

Б л о к. Конечно. Не похожа?

М а й к и н. Не знаю. Мне казалось, что это мужская профессия... Да и сравнивать пока не с чем...

Б л о к. Ну, начинается!

О д и л л и я *(вполголоса)*. Твой феминизм абсолютно не к месту.

М а й к и н. Я не хотел вас обидеть, честное слово! Не сердитесь.

О д и л л и я. Она не сердится. Не так ли?

Б л о к. Проехали. *(Майкину)*. У вас такой странный взгляд... Не пойму, на кого вы смотрите: на меня или на Одиллию?

М а й к и н *(смущаясь)*. Это... с детства... Я немного...

О д и л л и я. Ну, чего ты пристала? Это устройство глаз. Глаза такие.

М а й к и н. Да, раскосые. Можете не извиняться, я привык.

Б л о к. Нет, я не про то хотела сказать... Взгляд у вас какой-то нерешительный. И, в тоже время, заинтересованный. Как будто вы хотите о чем-то просить, и не знаете, с чего начать. Угадала?

М а й к и н. Не совсем. Хотя, близко... Если вы настоящий продюсер, я хочу показать вам кое-что.

Б л о к. Что именно?

М а й к и н. Музыка.

Б л о к. Вы сочиняете музыку?

М а й к и н. Да.

Б л о к. Для кого? Для посетителей? Чтоб им было веселее вращаться?

М а й к и н. Нет, карусель – это другое, это совсем другое, мне сложно объяснить. Потом, хорошо?

Б л о к. Хорошо. Так, где же ваша музыка?

М а й к и н. Она там, в будке. Вы послушаете?

Б л о к. С удовольствием.

М а й к и н. Я сейчас! *(убегает в будку)*.

О д и л л и я. Очень интересно.

Б л о к. Ты уже слышала?

О д и л л и я. К счастью, нет.

Б л о к. Почему к счастью?

О д и л л и я. Потому что не ожидаю ничего сверхъестественного.

Б л о к. Может, не стоит торопиться с выводами? Ты же понимаешь: талант не зависит от степени образования.

О д и л л и я. Может, и не стоит. Может, и не зависит... Главное разобраться, есть ли талант... У нас в подъезде жила кошка Чекушка. Это алкаши ее так прозвали. Грязная, дикая... Но за кусок колбасы такие чудеса вытворяла – Куклачев отдыхает!

Б л о к. Вот-вот... В любом случае, надо понять, как реагировать.

О д и л л и я. Восторженно, разумеется, как еще! И не срывай, пожалуйста, мой эксперимент.

Б л о к. Я и не думала ничего срывать. Наоборот – помогаю, чем могу.

О д и л л и я. Помощница... А на фига ты к его глазам прицепилась?

Б л о к. Это случайно. Ну, честное слово!

О д и л л и я. Ладно... И не будь такой резкой, договорились?

Б л о к. Попробую...

Из будки вылетает Майкин, в руках у него целый ворох магнитной пленки. Эту пленку он швыряет на головы обалдевших девушек. Одновременно с этим звучит красивая мелодия. Четверо молодых людей в плавном танце снимают пленку с девушек и развешивают на ветки. Мелодия постепенно затихает и дальше, до конца монолога Одиллии, звучит фоном. Молодые люди так же медленно исчезают в кулисах.

Б л о к. Да, это, действительно... необычно.

М а й к и н. Вам понравилось?

Б л о к. Вы еще спрашиваете! (*Одиллии*). Откровенно говоря, я не думала, что вы настолько талантливы.

М а й к и н. Одиллия, а вам? Вам понравилось?

О д и л л и я. Очень. Кажется, это про меня... Ваша музыка... Ваша музыка светится. (*пауза*). Как влюбленные глаза Маргариты, как умытый дождями весенний трамвай из советских фильмов, как маленький лучик солнца за дверью родительской спальни... Ваша музыка – наваждение, под нее хорошо вспоминать, и бояться этих воспоминаний, уносящих далеко-далеко, где на Богом заснеженной станции торгуют последними электричками, и я еду – счастливая по уши – в самый лучший на свете дом... И вот там, на краю географии, где сугробы до подоконника, вдруг понимаю, что лучшая музыка – та, которая светится – рождается где-то очень далеко от человечества, но не из воздуха и зимы, а из простого человеческого счастья...

М а й к и н. А знаете, что! Я напишу для вас балет! Прекрасный балет для самой очаровательной балерины на свете! А вы станцуете в нем главную партию. Хотите?

О д и л л и я. Жаль, что у весов не бывает третьей чаши...

М а й к и н. Я вас не понимаю.

О д и л л и я. Я не могу согласиться, и не могу отказать.

М а й к и н. Почему?!

О д и л л и я. Я всего лишь кордебалет.

М а й к и н. Но разве вам не хочется вырваться из толпы? Выйти на авансцену, сказать людям то, о чем другие говорить не решались?

О д и л л и я. Все уже сказано, Майк! И ничего нового мы не изобретем.
 М а й к и н. Неправда! Это вредная позиция. Это позиция равнодушного человека, но вы-то другая!
 О д и л л и я. Да, я действительно другая... Я легкая и воздушная, как пористый пшиколад... Смайлик. Мне тут предложили в рекламе конфет сниматься. Соглашаться?
 Б л о к. Обожрешься!
 О д и л л и я. Вот и я так думаю... А знаете, о чем я мечтаю? Чтобы вообще никакой рекламы не было. Чтобы люди стали свободны и неприхотливы.
 М а й к и н. А знаете, о чем я мечтаю? Чтобы у меня наконец-то появилась муза. (*Одиллии*). Я хочу, чтобы вы стали моей музой! Моей Мариной Влади!
 О д и л л и я. Только учтите: на песнях Высоцкого выросло поколение романтиков, а на ваших – в лучшем случае – вырастет поколение менеджеров.
 Б л о к. А чем тебе поколение менеджеров не угодило?
 О д и л л и я. Примитивностью мышления. Хотя, я понимаю, что это твоя потенциальная аудитория.
 Б л о к. И твоя тоже!
 О д и л л и я. Возможно...
 М а й к и н. Не нужно спорить! Пожалуйста!

Из-за кулис появляется четверка молодых людей в костюмах грибников. Они устремляются к будке с надписью «Касса».

О д и л л и я. О! Вот и посетители! Я же говорила – грибники! (*Майкину*). Вы тут их покатайте, а мы на пару слов, окей?
 М а й к и н. Конечно! Может, вас проводить?
 Б л о к. Нет-нет, мы сами! А вы работайте, работайте...

Блок и Одиллия удаляются в кулисы. Одиллия скачет на одной ноге, опираясь на плечо подруги. Майкин отрывает «грибникам» билеты, они садятся на карусель, начинают раскачиваться. Звучит ритмичная музыка, свет мигает в такт ритму. Карусель движется. Вдруг молодые люди срываются, подлетают к Майкину и начинают его избивать. Затем один из них залезает в кассу, вынимает деньги, и вся компания устремляется в лес... Майкин стонет от боли. Затемнение.

Второе действие

На сцену выбегает Одетта Блок.

Б л о к. Господи, Майк! Вам больно?! Что это? Кровь?! Ой, мамочки! Что же делать?

Из-за кулис, опираясь на палку, ковыляет Одиллия.

О д и л л и я. Закрой рот и звони в клинику!

М а й к и н *(как бы очнувшись)*. Нет, умоляю вас! Только не клиника! Я останусь здесь!

О д и л л и я. Но мы же не знаем, что с вами! Может, повреждены какие-то важные органы, может, у вас внутреннее кровотечение!

М а й к и н. Наплевать! Я отказываюсь! Я не хочу! Мне страшно... Люди в белых одеждах, шприцы, таблетки... Я не могу там! Лучше умереть!

Б л о к *(Одиллии)*. Ну, чего ты стоишь? Медсестра хренова! Видишь, человек помирает! Сделай же что-нибудь!

Одиллия идет в будку, приносит бутылку с водой, таз, йод, полотенце. Затем отрывает ткань от своего платья и перевязывает рану. Блок достает из сумочки шприц, Одиллия колет снотворное...

О д и л л и я. Все равно оставлять его здесь опасно. Это не простое хулиганство ради забавы, они забрали все деньги. Могут вернуться за новой добычей.

Б л о к. Но если мы сейчас отправим его в клинику, весь план – коту под хвост!

О д и л л и я. Хорошо. Что ты предлагаешь? Отвезти его прямо домой?

Б л о к. Не знаю. Единственный выход – отловить эту шайку, и упечь за ограбление кассы. Во всяком случае, одной проблемой станет меньше.

О д и л л и я. И как ты собираешься это осуществить? Поставишь капкан?

Б л о к. Зачем? Позвоню ментам. Благо знакомых полгорода!

О д и л л и я. Попробуй! *(пауза)*. А, черт! Все не к стати! Сначала я с каруселей долбанулась, теперь вот он...

Б л о к. Ладно, не переживай! Во всяком случае, за себя. Теперь, по крайней мере, тебе не придется перед ним вытанцовывать. Всегда можешь сослаться на больное колено. А то ведь ты балетных тапок отродясь не видела! *(достает из сумки пуанты)*.

О д и л л и я. Зато я видела другие тапки. Белые! В больших количествах.

Б л о к. Очень смешно! Мерить будешь?

О д и л л и я. Делать мне больше нечего!

Б л о к. А какого лешего я их покупала?

О д и л л и я *(берет балетную туфлю, вертит в руках, потом отдает)*. Оставь себе. Они мне малы.

Б л о к. Можно растянуть...

О д и л л и я. Растянуть, моя прелесть, можно удовольствие.

Б л о к. Давай! Я готова.

О д и л л и я. К чему?

Б л о к. К удовольствию.

О д и л л и я. Лопнешь!

Б л о к. От удовольствия?

О д и л л и я. От удивления.

Б л о к. Какая ты сегодня... ядовитая!

О д и л л и я. Кажется, ты собиралась звонить?

Б л о к (*набирая номер*). Да, собиралась... Связь тут хреновая! Пойду на горку. Половлю...

О д и л л и я. Давай-давай! А я пока что-нибудь пожрать приготовлю. Там, кажется, продукты были... Если эти сволочи их не унесли.

Б л о к. Слушай, а, может, перенесем его в будку?

О д и л л и я. Как? За ноги? Ну, рискни. Я – пас. И потом: лучше, все-таки, на воздухе.

Б л о к. Ну, если медицина настаивает...

О д и л л и я. Медицина размышляет.

Б л о к. Главное, чтобы она не оказалась бессильной!

Девушки расходятся. Звучит музыка. Майкин лежит. Из-за кулис появляется четверка молодых людей. На них концертные фраки, в руках музыкальные инструменты – флейта, гитара, скрипка, перкуссия. Они как бы «вливаются» в звучащую музыку. Майкин медленно поднимается и начинает дирижировать оркестром. Номер длится 2-3 минуты, затем «оркестр» исчезает, Майкин опять ложится. Появляется Блок. Идет, разговаривая по телефону.

Б л о к. Ну, какие приметы, какие?! Я их видела мельком, понимаешь? Алло! Мельком, говорю, видела! С корзинками. Откуда я знаю! Молодые, ватники на них были. Слушай, майор, вообще-то, это твоя работа – преступников ловить. Да какая мне разница! Ну, что, Иван Иванычу звонить? Ах, не надо! Тогда разберись. Все, у меня батарейка садится. Давай. Пока!

Блок подходит к Майкину, наклоняется, гладит его по голове... Из будки выходит Одиллия, тащит большое одеяло и подушку.

О д и л л и я. Как дела?

Б л о к. Спит!

О д и л л и я (*подкладывает подушку под голову Майкина, усаживается рядом*). Вижу! Я про майора твоего. Грибников ловят?

Б л о к. Да, вроде... В соседней деревне какие-то отморозки с корзинками магазин обчистили. Приметы как будто совпадают... Остается уповать на бдительность нашей милиции... (*кутается в палантин*). Прохладно стало, ты заметила?

О д и л л и я (*накрывает одеялом Майкина, себя и подругу*). Так ведь это лес, а не концертный зал с паровым отоплением.

Б л о к. Да... (*вздыхает*). Ну, и что ты намерена делать дальше?

О д и л л и я. Буду дежурить здесь, пока он не оклемается.

Б л о к. А я?

О д и л л и я. А ты поезжай домой.

Б л о к. Интересно, почему?

О д и л л и я. Ты же любишь комфорт. А здесь душа нет. И удобства – за ближайшей елкой.

Б л о к. А ты у ручья умываться будешь!

О д и л л и я. Хорошо! Ты поедешь домой, потому что в будке троим слишком тесно. Ты же не собираешься спать в кустах?

Б л о к. А, понимаю... Лишняя... Мешаю! Так бы сразу и сказала. Я, значит, домой, а ты в своем бесстыже-муаровом платье соблазнять его будешь!

О д и л л и я. Ну, ты совсем рехнулась!

Майкин начинает просыпаться.

Б л о к. О, кажется, очнулся!

О д и л л и я. Слава Богу!

Б л о к. Может, принести ему поесть?

О д и л л и я. Пожалуй... Посиди, я сама. *(уходит)*.

Б л о к *(трогает лоб Майкина)*. Как вы, Майк?

М а й к и н. Спасибо, мне уже лучше.

Б л о к. Да какое там лучше! У вас температура!

М а й к и н. Правда? Но я не чувствую.

Б л о к. А что вы чувствуете?

М а й к и н. Легкость. Необыкновенную легкость...

Б л о к. Это от голода. Сейчас Одиллия принесет вам поесть.

М а й к и н. Одиллия? Это кто?

Б л о к. Как? Вы ее не помните?

М а й к и н. Что-то знакомое...

Б л о к. Знакомое?! *(пауза)*. Хороши дела! А меня вы помните?

М а й к и н. Вас? Да. Вы жена карусельщика. Ну, того самого, у которого мне надо выкупить карусель. Вы еще просили мужа сбросить цену, потому что карусель старая, и гидроподъем не работает.

Б л о к. Что не работает?!

М а й к и н. Гидроподъем.

Б л о к *(в полном недоумении)*. Это я так сказала?!

М а й к и н. Вы! А потом так мило улыбнулись и добавили: «Карусель нужна ему, как ветряная мельница Дон Кихоту». Забыли?

Б л о к. Даже не знаю, что вам сказать...

Появляется Одиллия с манной кашей в тарелке. Садится рядом с Майкиным.

О д и л л и я. Вот и я. Сейчас будем кушать...

М а й к и н. Ты пришла! Господи, ты пришла! Как я счастлив...

О д и л л и я. Конечно, я пришла! Давай, открывай ротик... Ложечку за маму, ложечку за папу...

М а й к и н *(проглатывая кашу)*. А за тебя?

О д и л л и я. И за меня... И за карусель... И за жену карусельщика...

Б л о к *(совсем охренев)*. Да, и за мужа жены карусельщика...

О д и л л и я. Правильно! Надо, чтобы все были здоровы и сыты!

Б л о к. Что-то мне дурно... Кажется, я схожу с ума...

О д и л л и я. А ты приляг.

Б л о к. Мне бы водички...

О д и л л и я. А сама не можешь? У меня нога болит, между прочим! *(пауза)*. Ох, горе мое... Подержи! *(отдает тарелку, уходит в будку)*.

М а й к и н. А как поживает ваш супруг? Он ведь еще не передумал продавать карусель?

Б л о к. М-м-м... Хорошо поживает... Не передумал...

М а й к и н. Тогда передавайте ему привет. Очень симпатичный у вас муж!

Б л о к. Обязательно! А вы... давно аттракционами интересуетесь?

М а й к и н. Да, как вам сказать... С детства. Вы знаете, первую свою маленькую сюиту я написал именно на карусели. Меня так вдохновила быстрая смена пейзажа, что я сочинил музыку буквально за три минуты – ровно столько вращается карусель. Наверное, она была не такая красивая, но мне она казалась верхом совершенства!

Б л о к. Кто – музыка или карусель?

М а й к и н. Карусель, конечно! Музыку я тут же забыл.

Одиллия возвращается с чайником и кружкой.

О д и л л и я *(наливая воду подруге)*. Нельзя быть такой впечатлительной! Бери пример с меня.

Б л о к. Я ничего не понимаю... Может, ты мне объяснишь?

О д и л л и я. Не сейчас. Ну, Майк, а что было дальше?

М а й к и н *(доедая кашу)*. Дальше я пошел в школу, потом в музыкальную школу... Потом поступил в консерваторию и тут же ушел.

О д и л л и я. Почему?

М а й к и н. Наверное, стало скучно.

Б л о к. Ничего себе! Тысячи людей мечтают учиться в консерватории, а ему, видите ли, скучно!

О д и л л и я. Перестань! Каждому свое. *(Майкину)*. А потом?

М а й к и н. Потом я изучал электричество, формулы, уравнения и прочие неприкладные вещи.

Б л о к. И было очень весело!

М а й к и н. Временами – да. Когда удавалось что-нибудь изобрести.

Б л о к. Что-то не верится...

О д и л л и я. А потом?

М а й к и н. А потом я увидел тебя, и стал сочинять музыку. Помнишь? Первую сонату я посвятил тебе... Я написал ее во сне, вернее – в полусне, когда мы лежали рядом, и небо, как старая пластинка, кружилось над нами медленно и тихо... Мне хотелось встретить тебя навсегда, и жить с тобой долго и празднично до тех пор, пока эта пластинка не кончится... Боже мой, как ты была хороша в свете уличных фонарей той ночью! Я боялся дышать, и сердце почти остановилось... Я держал тебя за руку, а в голове звенели аккорды. А, может, это был трамвай с безумным кондуктором, который гоняет по ночному городу в поисках невозможного? В любом случае, это было ощущение какой-то невероятной свободы, радости и чуда...

Б л о к *(после долгой паузы)*. Да, не каждый день про такое услышишь... *(Одиллии)*. Тебе повезло! Знаете, Майк, мне бы хотелось вам помочь.

М а й к и н. Помочь? В чем?

Б л о к. Вы сочиняете музыку, а мой муж – карусельщик – в данный момент исполняет обязанности продюсера в одном музыкальном проекте. Ну, название вам ни о чем не скажет. В общем, если хотите, я могу поговорить с ним на предмет вашего участия в качестве композитора.

М а й к и н. Вы шутите?

Б л о к. Ничуть! Сейчас я уезжаю в город, давайте запись.

Майкин резко подымается, достает из кармана полиэтиленовый пакет, начинает собирать туда пленку, которая висит на ветках. Собрав, отдает пакет Одетте.

М а й к и н. Вот! Это пока все, что у меня есть.

Б л о к. Прекрасно! Завтра утром я сообщу о результатах прослушивания. До встречи! *(собирается уходить)*.

О д и л л и я. Подожди! Мне нужно тебе сказать...

Б л о к. Завтра. Уже поздно.

О д и л л и я. Ты все неправильно поняла!

Блок уходит.

О д и л л и я. Вредина!

М а й к и н. Не сердись на нее. Завтра она вернется, и ты скажешь ей все, что захочешь.

О д и л л и я. Да, завтра я ей скажу... Завтра я ей все скажу! Кстати, Майк, ты тоже должен кое-что рассказать.

М а й к и н. Что?

О д и л л и я. Объясни, зачем тебе карусель? Тем более, собственная?

М а й к и н. Господи, неужели ты до сих пор ничего не поняла?

О д и л л и я. Ничего!

М а й к и н. Ты, с твоим умом, с твоей проницательностью? Не может быть!

О д и л л и я. Представь себе!

М а й к и н. Карусель – это модель мира, понимаешь? Это маленькая вселенная, это мир в миниатюре, которым я управляю. Я включаю и выключаю двигатель, значит, я распоряжаюсь чьей-то жизнью. От меня зависят судьбы людей, их безопасность, комфорт, настроение. Люди движутся только по кругу, и у них нет выбора остановки, нет пути назад, потому что карусель вращается в строго определенном направлении. Я задаю условия наших отношений, а главное – время пути, я могу сократить его или продлить, или вовсе остановить, потому что я так хочу. Я все решаю сам. Здесь и сейчас. Я могу разукрасить мой мир шарами и лентами, и он будет как новогодняя елка, или убрать всю иллюминацию, и он станет бледным и невыразительным. Мой мир

самодостаточен и прост, его назначение почти тривиально: дарить радость и ощущение полета.

О д и л л и я. Ах, вот оно что! Интересно... А мне кажется, не все так однозначно. Твой мир иногда делает больно. И от радости остаются одни осколки.

М а й к и н. Это неизбежно. У любой медали две стороны.

О д и л л и я. А музыка?

М а й к и н. Что музыка?

О д и л л и я. Ты сочиняешь ее, чтобы управлять эмоциями людей?

М а й к и н. С чего ты взяла?

О д и л л и я. В твоей музыке есть элемент шаманства. Мне кажется, однажды я уловила необыкновенную магию этих звуков. Магию откровения. Мне хотелось говорить какие-то очень личные, сокровенные вещи именно под воздействием твоей музыки.

М а й к и н. Думаю, ты преувеличиваешь.

О д и л л и я. Не знаю, не знаю... Расскажи, как ты сочиняешь?

М а й к и н. Я ничего не сочиняю. Я просто слышу. Эта музыка живет в моей голове. Я только записываю ноты в том порядке, в каком мне диктуют их свыше.

О д и л л и я. А кто тебе их диктует?

М а й к и н. По-разному... Иногда кто-то из великих композиторов. Но бывает, что это некая неопределенная субстанция.

О д и л л и я. Она имеет какую-то форму?

М а й к и н. Форма очень расплывчата, а вот цвет всегда один и тот же – белый.

О д и л л и я. Это происходит по ночам?

М а й к и н. Не обязательно. Иногда вечерами, иногда на рассвете, когда я делаю зарядку или чищу зубы.

О д и л л и я. Даже так? Ясно...

М а й к и н. Ты не веришь мне?

О д и л л и я. Верю. Пойдем спать, уже поздно.

М а й к и н. Иди. А я посижу немного, хорошо?

О д и л л и я. Ну, хорошо. Спокойной ночи.

Одиллия уходит. Затемнение. Звучит музыка, через полминуты свет зажигается. На карусели лицом друг к другу сидят Одиллия и Блок.

О д и л л и я. В общем, это явные музыкальные галлюцинации, помноженные на комплекс маленького человека, который вообразил, что может управлять мирозданием.

Б л о к. С чего ты взяла?

О д и л л и я. Он рассказывал про свою карусель так, как будто это вселенная, а он Демиург.

Б л о к. А музыка?

О д и л л и я. Утверждает, что ему диктуют.

Б л о к. Интересно...

О д и л л и я. Ничего интересного. Рядовой случай из учебника по психиатрии. Первый курс. Моя кандидатская богаче не станет... Шумана тоже преследовали музыкальные галлюцинации. Правда, это было в конце жизни. Тогда он писал в дневниках, что к нему являлись Шуберт с Мендельсоном и диктовали тему.

Б л о к. Да... Чего только не узнаешь!

О д и л л и я. Между прочим, эти галлюцинации могут быть объяснением того, как Бетховен, будучи глухим, сочинял свои бессмертные симфонии.

Б л о к. Очень увлекательно. Только я не поняла: это лечится?

О д и л л и я. Лечится – всё, вылечивается немногое... Сложно сказать... Именно это мне и предстоит выяснить. На сегодняшний день могу прописать положительные эмоции и общение с близкими.

Б л о к. У него есть близкие?

О д и л л и я. Нет. Зато могут быть положительные эмоции. Если ты, конечно, не передумала участвовать.

Из будки выходит Майкин, направляется к девушкам.

М а й к и н. Доброе утро!

Б л о к. Доброе! Как вы себя чувствуете?

М а й к и н. Прекрасно! Во сне я написал оперу!

Б л о к. Поздравляю!

М а й к и н. Ко мне пришел Гендель и подсказал сюжетный ход!

О д и л л и я. Супер!

Б л о к. Майк, это замечательно! А ведь я к вам тоже не с пустыми руками. Мой муж – карусельщик, ну, который продюсер – послушал вашу запись и готов с вами сотрудничать!

М а й к и н. Вы решили надо мной посмеяться?!

Б л о к. С какой стати? Вот, у меня и договор есть. Нужно его заполнить в двух экземплярах. Один останется у вас, второй заберу я.

М а й к и н (*берет договор, сияет от счастья*). Не знаю, что и сказать! Можно, я заполню его прямо сейчас?

Б л о к. Разумеется!

Майкин убегает в будку.

Б л о к. Как мало, однако, нужно для счастья... А вообще, ты знаешь, этот мальчик меня вдохновляет.

О д и л л и я. Чего?!

Б л о к. Он мне нравится.

О д и л л и я. Я не ослышалась?

Б л о к. Нет. Он мне нравится своей непосредственностью.

О д и л л и я. Нравится чем?!

Б л о к. Неискушенностью.

О д и л л и я. Ты в своем уме?! Может, ты тоже заболела? Мечтаешь стать гризеткой этого Майка? Или сразу моей пациенткой?

Б л о к. Ну, если ты поместишь нас в одну палату, я, пожалуй, подумаю.

О д и л л и я. Да хоть в одну койку! Слышала бы ты его вчерашние бредни про эту чертову карусель!

Б л о к. А что такого страшного в его бреднях?

О д и л л и я. Его глаза! Ужасные, почти полностью черные из-за расширенных зрачков.

Б л о к. Может, тебе показалось?

О д и л л и я. Еще чего! Ладно, пойду прогуляюсь. Оставляю вас наедине. Для чистоты эксперимента. Мур-мур!

Одиллия уходит. Блок раскачивается на карусели, скучает. Появляется Майк с договором в руках.

М а й к и н. Вот, я все заполнил, кроме отчества.

Б л о к (*забирает договор*). Почему кроме отчества?

М а й к и н. А я не знаю, как звали моего настоящего отца.

Б л о к. То есть?

М а й к и н. Такой серьезный документ требует истиной правды. А мне она неведома.

Б л о к. Ничего не понимаю... Вы сирота?

М а й к и н. Не совсем.

Б л о к. А что написано у вас в паспорте?

М а й к и н. Сергеевич.

Б л о к. Ну, так и пишете!

М а й к и н. Не могу. Сергей Иванович – это не мой отец.

Б л о к. Да какая разница? Никто не будет выяснять вашу родословную.

М а й к и н. Но это ложь! А ложь – это самое большое преступление.

Б л о к. Бред в квадрате! Причем здесь ложь?

М а й к и н. Притом. Я не хочу обманывать честных людей.

Б л о к. Но вы обманом ни у кого ничего не забираете! Более того, вам готовы дать, а вы из-за какой-то ерунды хотите лишиться себя гонорара и будущего. Это же не первый документ, который вы подписываете в своей жизни! Что за детский сад?

М а й к и н. Я не готов...

Б л о к. Послушайте, Майк. Вы ужасный идеалист. Я понимаю: вам сложно принять правила игры, но таков наш мир, и таков шоу-бизнес, как часть этого мира. К сожалению! Поймите: здесь свои, непростые, а подчас – очень жестокие правила. И если вы собираетесь участвовать в этом процессе, вам необходимо принять их.

М а й к и н. Я... не могу.

Б л о к. А на что вы собираетесь жить? На доход с карусели?

М а й к и н. Не знаю... (*уходит в будку*).

Блок в замешательстве подходит к будке, стучит.

М а й к и н. Кто там?

Б л о к. Майк, давайте поговорим...

М а й к и н. О чем?

Б л о к (*усаживаясь на пол спиной к будке*). А разве нам не о чем поговорить?

М а й к и н. О договоре не буду. Поговорим об искусстве. Что вы думаете про балет?

Б л о к. Про балет?!

М а й к и н. Да. Вы ведь что-то про него думаете?

Б л о к. Конечно! Я очень часто думаю про балет. Я как раз сегодня подумала, что важнейшим из искусств для нас является не кино, а балет! (*удивляется тому, что сказала*).

М а й к и н. Почему? (*Майкин выходит из будки*).

Б л о к. Ну, потому что это красиво, изящно...

М а й к и н. И все?

Б л о к. Нет. Потому что танец – это единственный жанр, который невозможно подделать.

М а й к и н. То есть как?

Б л о к. Ну, так! Например, художником можно стать ровно за одну минуту. При этом совершенно не обязательно уметь рисовать – нужно просто разбрызгивать краски, называя это каким-нибудь красивым и туманным словом, желательно, чтобы оно заканчивалось на «изм» – ну, так сложилось исторически, например – неоатлантизм. Можно писать книги, совершенно не заботясь о стиле и грамотном изложении материала. Можно сочинять музыку с помощью компьютера, не зная ни одной ноты, и при этом называть себя композитором. Можно делать отличные снимки и быть фотохудожником, всего лишь имея удачный фотоаппарат. Можно даже снимать кино и ставить спектакли, не будучи профессиональным режиссером. И только танцовщиком просто так, без труда, стать невозможно! Потому что это процесс не сиюминутный. Понимаете?

М а й к и н. Понимаю... А что такое неоатлантизм?

Б л о к. Какой еще неоатлантизм?!

М а й к и н. Но вы же сами только что сказали это слово.

Б л о к. Господи! Да откуда я знаю! Я же просто так сказала, для примера. Нет такого слова.

М а й к и н. Жаль... А мне понравилось. А можно я себе это слово возьму?

Б л о к. Зачем?

М а й к и н. Ну, не знаю... Это будет мой стиль в искусстве.

Б л о к. Да, пожалуйста!

М а й к и н. Скажите, а сколько денег мне заплатит ваш продюсер?

Б л о к. Думаю, нисколько.

М а й к и н. Почему? Я ведь отдал свою музыку!

Б л о к. Но вы же отказались оформлять отношения юридически.

М а й к и н. Да... А как вы думаете, этих денег хватило бы, чтобы выкупить карусель?

Б л о к. Полагаю, этих денег хватило бы на две карусели.

М а й к и н. Может, мне стоит подумать?

Б л о к. Не знаю... Попробуйте.

М а й к и н. Интересно: а на маленькую студию мне бы хватило?

Б л о к. А зачем вам студия? Вы можете записываться у нас. На студии моего мужа.

М а й к и н. Правда? Тогда я готов. Давайте договор!

Б л о к *(отдавая бумаги)*. Пожалуйста!

М а й к и н *(подписывая)*. А когда я получу гонорар?

Б л о к. Завтра. Я привезу аванс. А сейчас мне пора. *(целует Майкина, уходит)*.

Некоторое время Майкин пребывает в одиночестве. Он ходит вокруг карусели, гладит ее, протирает носовым платком и т.д. Появляется Одиллия.

О д и л л и я. Чем ты занят?

М а й к и н. Да, так, ничем. Мыслями...

О д и л л и я. И о чем твои мысли?

М а й к и н. О новой опере... Вернее, нет! Скорее всего, это будет мюзикл! Мои мысли слишком запутаны... Я только что подписал договор с продюсером. Но это не главное. *(берет Одиллию за руку)*. Я столько хочу рассказать! Ты будешь меня слушать?

О д и л л и я. Конечно! Я уже тебя слушаю.

М а й к и н. Мне так скверно жилось без тебя! Как в аквариуме вверх ногами, я все время боялся упасть. Без твоей поддержки. Без твоего печального голоса, прекрасного тела, и редкого имени. Без твоих отражений в серванте. Без полуночных бесед за чашкой чая... Кстати, ты ужасно готовила, но я привык, потому что когда ты резала лук, ты чудесно пела. Чтобы не плакать. Ты уходила каждый день сжигать свои мосты и подмости, и однажды ушла навсегда... В белом платье по красным листьям. Ты ушла, а я до сих пор жду твоего возвращения. Почему ты ушла?

О д и л л и я. Какое это теперь имеет значение? Прошла целая вечность.

М а й к и н. И все же?

О д и л л и я. Потому что мы были все время втроем: ты, я и твой тамагочи, которого каждый день приходилось кормить, поить, выгуливать и развлекать танцами.

М а й к и н. Но это мой долг. Мы в ответе за тех, кого приручили.

О д и л л и я. Пожалуй... И как поживает твой маленький друг? Все так же питается через каждые два часа?

М а й к и н. Он умер. Я похоронил его у пятой березы, в роще...

О д и л л и я. Мои соболезнования...

М а й к и н. Ты никогда его не любила. И меня заодно...

О д и л л и я. Неправда, Майк. Все это неправда. Я любила тебя, хотя ты всю свою жизнь ходишь по кругу. Ты карусельщик. Просто я не могу вращаться вокруг столба, жить в будке и трахаться в клумбе. Я хочу двигаться прямо и никуда не сворачивать. И тамагочи здесь совсем не причем.

М а й к и н. Тогда почему ты ушла?

О д и л л и я. По глупости. Я все в этой жизни делаю по глупости. От недостатка ума, если хочешь.

М а й к и н. Прости, но на дуру ты не похожа.

О д и л л и я. Спасибо. Но глупости делают не только дуры. Даже вовсе не дуры. Это великое заблуждение.

М а й к и н. Ясно... Ты была счастлива?

О д и л л и я. С переменным успехом.

М а й к и н. Но теперь ты вернулась?

О д и л л и я. А ты, правда, этого хочешь?

М а й к и н. Зачем ты спрашиваешь?

О д и л л и я. Тебе нравится осень?

М а й к и н. Нравится.

О д и л л и я. Почему?

М а й к и н. Потому что листья.

О д и л л и я. А почему они красные?

М а й к и н. Не знаю... Наверное, это отпечатки лап каких-то невиданных зверей. А красные, потому что разбили лапы. Они хотели, чтобы люди пустили их перезимовать, бились в окна, но люди не замечали их...

О д и л л и я. Какая грустная история...

М а й к и н. Слышишь?

О д и л л и я. Что?

М а й к и н. Музыку.

О д и л л и я. Нет, не слышу.

М а й к и н. Ну, как же? Она ведь звучит довольно отчетливо! Кажется, это Моцарт...

О д и л л и я. Или Сальери...

М а й к и н. Нет, это определенно Моцарт!

О д и л л и я. В твоей голове.

М а й к и н. А в твоей?

О д и л л и я. А в моей – пусто.

М а й к и н. Так не бывает. Или, ты хочешь сказать, что достигла нирваны?

О д и л л и я. Пожалуй, еще нет.

М а й к и н. Тогда время от времени ты должна слышать хотя бы диалог.

О д и л л и я. Видимо, я глухая.

М а й к и н. Очень жаль... Скажи, о чем ты думаешь?

О д и л л и я. Сейчас я думаю о тебе.

М а й к и н. А я о тебе. Ты такая красивая в этом платье! Почему ты пришла в нем? Оно свадебное? Неужели, ты решила выйти за меня замуж?

О д и л л и я. Замуж?!

М а й к и н. Ну, да! Я ведь столько раз просил тебя об этом.

О д и л л и я. Не знаю... Мне кажется, я пока не готова...

М а й к и н. Я слышу это несколько лет. Дурная бесконечность...

О д и л л и я. Это очень ответственный шаг, пойми! Надо все взвесить.

М а й к и н. Ты слишком рационально подходишь к обычным житейским вещам. Поэтому тебе трудно жить, трудно сделать выбор. А ты посмотри на все это из космоса.

О д и л л и я. Я так не умею.

М а й к и н. Попробуй, и ты увидишь, как смешна твоя нерешительность.

О д и л л и я. И что для этого нужно сделать?

М а й к и н. Прежде всего не напрягаться. Хочешь, я покатаю тебя на карусели?

О д и л л и я. Нет, я боюсь твоей карусели.

М а й к и н. Опять страх. Забудь его, иначе ты никогда не испытаешь чувство свободы.

О д и л л и я. Я испытала его однажды, когда уходила по красным листьям...

М а й к и н. Эта свобода ошибочна. Ты ведь не от меня уходила, верно?

О д и л л и я. Откуда ты все знаешь, Майк? Ну, хорошо. Я попробую. Еще раз...

Одиллия садится на карусель, начинает вращаться под музыку. Появляется четверка молодых людей в балетных платьях, присоединяется.

О д и л л и я (*перекрикивая музыку*). Майк, Майк, как это здорово! Я лечу-у-у! Майк!

М а й к и н (*тоже перекрикивая музыку*). Что ты видишь?

О д и л л и я. Я вижу свое детство!

М а й к и н. Что ты слышишь?

О д и л л и я. Я слышу музыку!

М а й к и н. Что ты говоришь?

О д и л л и я. Я согласна! Я выхожу за тебя замуж!

М а й к и н. Я люблю тебя!

Музыка обрывается, карусель останавливается. Луч прожектора освещает кулису, в которой стоит Одетта Блок.

Б л о к. Воркуете. Ну-ну...

М а й к и н. А что же вы стоите? Присоединяйтесь к нам!

Б л о к. Нет, я чужая на этом празднике жизни. И вообще: у меня сегодня трусы и лифчик разного цвета.

М а й к и н. Я не понял...

О д и л л и я (*слезая с каруселей*). Это шутка такая. Неудачная.

Б л о к. Вижу, я не вовремя, но зато у меня есть новости.

М а й к и н. Надеюсь, они хорошие?

Б л о к. Да, как сказать... Ваша музыка нам не подходит, Майк.

М а й к и н. Как? Как не подходит?!

Б л о к. Ну, не подходит и все. Не годится это. Не формат.

М а й к и н. Но мы же с вами подписали договор! Вы же сами говорили...

О д и л л и я. Одетта! Что ты несешь?!

Б л о к. Договор можно расторгнуть, это не проблема. Вам заплатят неустойку, и будете жить дальше.

О д и л л и я. Зачем ты это делаешь?

Б л о к. Затем! Потому что нет никакого мужа-продюсера, нет никакой жены карусельщика, и карусельщика тоже нет!

О д и л л и я. Неправда! Зачем ты врешь?

Б л о к. Я вру? Это ты врешь! Каждый день! Ты по уши во лжи!

М а й к и н. Нет карусельщика... А что же тогда есть?

Б л о к. А есть карусель. В лесу. Как она сюда попала, я не знаю. Но выкупить ее, в любом случае, вы не сможете, потому что не у кого! Она ничья! Ни у одной организации на балансе не числится. Это ваши фантазии, Майк! А еще есть я – продюсер Одетта Блок. Но ваша музыка мне на фиг не нужна. Она изначально была не нужна. Она мне не нравится! *(вынимает из сумки пакет с магнитной пленкой, швыряет Майкину).*

М а й к и н. А как же договор?

Б л о к. Какой договор, Майк, откройте глаза! Это фикция!

М а й к и н. Как же так?

Б л о к. А так!

М а й к и н. Но вы же меня обманули, вы... вы солгали мне!

Б л о к *(выдыхая)*. Да, я солгала. Но это еще не вся ложь. Посмотрите на эту девушку.

М а й к и н. И что?

Б л о к. Ее зовут Одиллия.

М а й к и н. И что?

Б л о к. Вы думаете, она кто? Балерина?

М а й к и н. Она моя любимая... Моя Муза...

Б л о к. Но по профессии она – кто?

М а й к и н. Балерина.

Б л о к. Прекрасно! А теперь попросите свою любимую что-нибудь нам исполнить. На пуантах. Например, партию Одиллии из балета Чайковского.

М а й к и н. Зачем?

Б л о к. Для смеха.

М а й к и н. Мне не до смеха...

Б л о к. Что ж, тогда попрошу я! *(вытаскивает пуанты из сумки, обращается к Одиллии)*. Сделай одолжение, надень эти замечательные тапочки и станцуй нам что-нибудь вечное!

О д и л л и я. Ты с ума сошла!

Б л о к *(скачет с одной ноги на другую)*. Всего лишь пару батманов! И как это называется? Па-де-баск?

О д и л л и я. Ты же знаешь, я поранила ногу...

Б л о к. Да что ты! А, по-моему, ты поранила голову!

О д и л л и я *(вырывает пуанты, надевает)*. Ну, ты и дрянь! Никогда тебе не прощу!

Звучит музыка Чайковского. Одиллия становится на пуанты, танцует. Блок в крайнем удивлении. Номер продолжается на карусели, Одиллия кружится под музыку, потом спускается. Появляется знакомая четверка молодых людей в

белых халатах. В танце они облачают Одиллию в такой же халат, потом все вместе исчезают.

М а й к и н. Как она прекрасна!

Б л о к. Одиллия?

М а й к и н. Музыка! Нет ничего прекраснее этой музыки. Вы правы: то, что я сочиняю, абсолютная ерунда по сравнению с Чайковским...

Б л о к. Ну, я думаю, не стоит так горевать... Зато теперь вы знаете, на кого ровняться.

М а й к и н. Вы мегера, Одетта!

Б л о к. Что?!

М а й к и н. Вы – черный лебедь! Вы отняли у меня все: веру в себя, любовь к ближним, надежду на лучшее. Вы растоптали мой мир – мою карусель, мою музыку, мою душу...

Б л о к. Это неправда! Я помогла избежать катастрофы! Вы были в плену заблуждений, в плену иллюзий. А теперь вы свободны!

М а й к и н. Я свободен? Да знаете ли вы, что это такое? Я был свободен, когда видел счастливое лицо той девушки, когда жил мечтой о ее возвращении, когда писал музыку, какой бы она ни была! Я ненавижу вас! Вместе с вашим шоу-бизнесом, с вашими деньгами и амбициями!

Б л о к. Моими деньгами? Майк, очнитесь! Это вы просили меня о деньгах. Все считали, сколько заплатят за ваше великое творение!

М а й к и н. Да, считал! Но я считал для других, для тех, кто верит в чудо среди дерьма! А вы считали и продолжаете это делать – только для себя. Вы эгоистка. Но знайте: ваш мир не вечен, когда-нибудь он рухнет, и вы еще вспомните меня!

Б л о к. Вы забываетесь!

М а й к и н (*вынимая из пакета магнитную пленку, наступает на Одетту*). Вы еще вспомните меня!

Б л о к (*пятясь*). Что вы делаете?! Что вы делаете?!

М а й к и н (*накидывает на шею Одетты пленку, хочет ее задушить*).

Пытаюсь полюбить свое новое состояние! Состояние вершителя вашей судьбы!

Б л о к (*кричит*). Помогите! Кто-нибудь! Одиллия, Одиллия!

На сцену выбегает четверка молодых людей в белых халатах. Они отцепляют Майкина от Одетты, надевают на него смирительную рубашку, уводят. Затемнение. Свет зажигается. На карусели, как за столом, в ряд, сидят молодые люди в очках и белых халатах – комиссия. Одиллия в точно таких же очках и халате стоит напротив.

П е р в ы й м о л о д о й ч е л о в е к. Расскажите, пожалуйста, что вы знаете о музыкальных галлюцинациях?

О д и л л и я. Музыкальные галлюцинации – это разновидность слуховых галлюцинаций в виде пения или игры на музыкальных инструментах. Современной наукой доказано, что такого рода галлюцинации происходят,

когда человек лишается богатой звуками окружающей среды, теряет слух, или живет в изоляции.

Первый молодой человек. Могут ли такие галлюцинации спровоцировать иные психические заболевания?

Одиллия. Безусловно. Музыкальные галлюцинации считаются типичным явлением при шизофрении. Они замыкают спектр симптомов, в основе которых лежит изменение восприятия. Если иллюзии – это ошибочные восприятия чего-либо реального, то галлюцинации – это мнимые восприятия, восприятия без объекта. В данном случае, пациент слышит музыку, которой на самом деле не существует.

Второй молодой человек. Прекрасно! *(обращаясь к остальным).* Вопросы у кого-нибудь есть? Вопросов больше нет. Все свободны.

Начинает звучать музыка. Вначале очень тихо.

Одиллия. Вы слышите?! Музыка! Какая она печальная...

Третий молодой человек. Да, а девушка с юмором!

Четвертый молодой человек. Пойдемте, коллеги! У нас еще аттестация и госэкзамены...

Одиллия. Куда же вы? А как же я?

Молодые люди уходят.

Первый молодой человек *(на ходу).* А у вас, моя дорогая, все в порядке. Все отлично! Вы защитили кандидатскую с блеском! Думаю, вам предложат остаться на кафедре.

Одиллия. Но ведь я слышу музыку, слышу! И это не подсознание, она вокруг. Она реальна!

Первый молодой человек. Ваша театрализация будет учтена особо, не беспокойтесь! Комиссия любит нестандартные решения!

Одиллия. Почему вы меня не понимаете? Почему?! Мы ведь живем в одном измерении! Господи, вы же все доктора наук! *(в зал).* Майк! Я слышу! Я не глухая! Я тоже слышу твою музыку! Не знаю, откуда она, но она существует! Майк, Майк! Я верю тебе!

Одиллия подходит к сиденью карусели, медленно закручивает цепь. Садится, запрокидывает голову, закрывает глаза, поджимает колени, и начинает стремительно раскручиваться в обратном направлении. Луч прожектора освещает только ее лицо. Музыка звучит отчетливей, с каждым тактом все громче, по нарастающей. Одиллия кричит, но в общем потоке звуков ее крик едва различим... Свет гаснет.

Занавес